УДК 1(091) + 101.9 + 82(091)

В. Т. Звиревич

ВЕРГИЛИЙ-ФИЛОСОФ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МАКРОБИЯ

В «Сатурналиях» и в «Комментарии на “Сновидение Сципиона”» Макробий создает представление о Вергилии как о философе, привлекая его стихи для описания и объяснения некоторых природных явлений и философских вопросов. В качестве дополнения был использован комментарий грамматика Сервия на сочинения Вергилия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Макробий, Вергилий, Сервий, поэзия и философия.

В «Сатурналиях» Макробий рассматривал творчество Вергилия как вершину римской мудрости. В конце первой книги участники беседы в дни Сатурналий называют дарования Вергилия. Симмах отмечает его «сильные риторические находки» [5, *1, 24, 14*] (рассуждения об этом представлены в четвертой и пятой книгах). Веттий Претекстат и Флавиан указывают на его ученость в жреческом праве [Там же, *1, 24, 16–17*] (этому посвящена книга третья). Особенно же значимы для нас слова Евстафия об охватившем его «восхищении от астрологии и всей философии», которую Вергилий «рассыпал по своему произведению» [Там же, *1, 24, 18*]. Это позволяет допустить, что Макробий, возможно, предполагал также показать значение произведений Вергилия для философии, что сподручнее всего было сделать в виде выступления философа-неоплатоника Евстафия, о чем и свидетельствует завершающая беседу реплика Претекстата: «Потому что философия является даром богов и наукой наук, надо уважить [ее правом] вступительного слова, в связи с чем Евстафий мог бы припомнить, что ему [всегда] уступали первое место при обсуждении, когда шло изложение всякого разного» [Там же, *1, 24, 21*]. Но, к великому сожалению, какое-либо рассуждение о философии Вергилия в «Сатурналиях» отсутствует, а намеченная, по-видимому, в начале третьей книге речь Евстафия [Там же, *3, 2, 6*] не сохранилась в дошедших до нас рукописях.

Тем не менее стремление связать Вергилия с философией выражено вполне определенно. Вот весьма примечательное высказывание Претекстата, который имеет при этом в виду Вергилия: «Не думай, мой Авиен, будто сообщество

© Звиревич В. Т., 2016

поэтов, когда они рассказывают о богах, не заимствует основу по большой части из святилищ философии» [5, *1, 17, 2*]. Эту наметившуюся тенденцию превратить Вергилия в философа улавливает и критик всего и вся Евангел, который замечает по поводу сказанного о Вергилии: «Пожалуй, как греки превозносят все свое до бесконечности, мы тоже хотим, чтобы философствовали даже наши поэты» [Там же, *1, 24, 4*]. И он упрекает собеседников в том, что их угодливость привела Вергилия к философам [Там же, *1, 24, 9*].

В «Комментарии на “Сновидение Сципиона”», написанном Макробием для разъяснения той картины мира, которая нарисована в трактате Цицерона «О государстве», также говорится о принадлежности Вергилия к философам. Макробий прямо называет здесь Вергилия и поэтом, и философом одновременно. Более того, он изображает Вергилия непререкаемым философским авторитетом. При упоминании Вергилия Макробий в некоторых случаях не преминет наделить его похвальными эпитетами: «Вергилий, ни в одной науке не вполне несведущий» [8, *1, 6, 44*]; «голос (sententia) Марона из сокровенной глубины науки» [Там же, *1, 7, 3*]; «ученейший из вещих певцов» [4, *1, 13, 12*]; «Вергилий, самый сведущий во всех науках» [8, *1, 15, 12*]; Вергилия «никогда не окутывало заблуждение ни одной науки» [Там же, *2, 8, 1*].

Можно отметить, что иногда Макробий ищет для него оправдание, если встречает не совсем точное словесное описание какого-либо научного положения. Мы имеем в виду разбор выражения Вергилия «per ambas [zonas]», когда он говорит о вращении (verteret) зодиака (signorum ordo) [2, *1, 238–239*; 8, *2, 8, 1*]. У Вергилия формально (вербально) получается, что зодиак и соответственно солнце проходят через оба умеренных климатических пояса (per temperatas [zonas]) [8, *2, 8, 2*], в то время как область их движения ограничена северным и южным тропиками, отделяющими умеренные зоны от экваториального пояса, так что они (зодиак и солнце) проходят лишь под, около или близ умеренных поясов (sub ambas temperatas [zonas]), но не через них (per ambas). Макробий допускает, что использование выражения «per ambas» вместо «sub ambas» можно отнести на счет «poetica licentia» [Там же, *2, 8, 5*]. Но он больше склоняется к тому, что Вергилий употребил выражение «per ambas» вместо «inter ambas» (между обоими [поясами]), и находит у него подтверждение тому, что в обычае самого поэта (more ipsius poetae) было ставить предлог «per» вместо «inter» в следующих стихах: «[Змей] и этак и так (circum perque) оплетает Арктов обоих» [2, *1, 245*; 8, *2, 8, 6*]. Макробий разъясняет, что созвездие Дракона вьется вокруг и между Большой и Малой Медведицами (circum eas et inter eas volvitur), а не через них (per eas) [8, *2, 8, 7*]. Можно сослаться также и на комментарий грамматика Сервия — кстати, персонажа «Сатурналий» — на этот стих из «Георгик»: «Ведь [Змей] проскальзывает через ту и другую [Медведицу], *то есть между* [ними] *двумя*, касаясь хвостом Большой (maiorem) [Медведицы], брюхом достигая Малой (minorem)» [12, *1, 245*].

В другом случае Макробий защищает высказывание Вергилия, которое буквально означает, что созвездие «Пса заходит (Canis occidit)», уступая место восходящему Тельцу [2, *1, 218*]. На деле же Пес, «соседний с Тельцом, не виден, скрытый близостью света [солнца]». Поэтому, полагает Макробий, Вергилий в действительности

говорит о том, что Пес «пропадает (occidere)», «fades away» [9, *161*], потому что, когда Телец приводит [с собой] солнце, тогда он начинает быть невидимым при соседстве солнца» [8, *1, 18, 15*]. Дополним сказанное несколькими положениями из объяснений Сервия: «О чем же [Вергилий] говорит "заходит (occidit)", он отнес к нашему зрению. Ведь суть два восхода и захода: один ἡλιακός , то есть солнечный, и другой κοσμικός, то есть мировой; откуда бывает, что те созвездия, которые вместе с солнцем восходят, не могли бы быть видимы нами» [12, *1, 218*].

Превращение Вергилия в авторитетнейшего философа явно связано с тем, что Макробию нужно было убедить в правильности своих положений именно, так сказать, широкого римского читателя, и ссылки на великого поэта Рима служили этому намного лучше, чем указание на мнение греческих философов. М. С. Петрова отмечает, что «Макробий писал для латинского читателя и помимо греческих использовал латинские сочинения» [7, *79*]. И далее пишет: «По-видимому, большинство выбранных фраз, вставленных в собственный текст, были хорошо известны латинским читателям... они были "на слуху" у римлян и широко использовались. Употребляя знакомые цитаты, Макробий делал шаг навстречу латинскому читателю» [Там же, *93*].

Итак, Макробий создает облик Вергилия-философа, во-первых, вскрывая рациональный смысл его мифопоэтических образов. Такой подход к Вергилию мы видим в «Сатурналиях», в заключительной реплике Евстафия при рассмотрении истории римского календаря. По поводу перехода римлян от лунного календаря к солнечному он приводит слова Вергилия: «Вы, что по кругу небес ведете бегущие годы, / Либер с Церерой благой!» [2, *1, 6*] — и дает им такое толкование: он обозначил «в этом обращении вожатыми года как солнце, так и луну» [5, *1, 16, 44*]. В комментарии грамматика Сервия это немного конкретизируется: «Их бегом исчисляются времена; ведь посредством луны показывается месяц, посредством солнца — год» [12, *1, 6*]. Такое объяснение созвучно современным представлениям о том, что философы сделали акцент на физическом (природном) содержании мифологических образов богов [6, *146–147*], что и обнаруживается в стихах Вергилия. Вслед за тем Претекстат уже прямо говорит [5, *1, 18, 23*], что Вергилий знал то, «что Либер-отец есть солнце и Церера — луна», и подкрепляет это ссылкой на стихи, в которых они связываются с «плодородием почвы и созреванием плодов»: «Через ваши деяния почва / Колосом тучным смогла сменить Хаонии желудь» [2, *1, 7*]. При этом подразумевается, что, согласно римским народно-мифологическим представлениям, Либер — это бог виноделия, а Церера — богиня земледелия и хлебных злаков.

Встречается подобное истолкование Вергилия [1, *3, 60*] и в «Комментарии» Макробия: «А вот древние называли [небом] самого Юпитера, и у богословов Юпитер — это душа мира. Отсюда слова [Вергилия]: *От Юпитера — начало, о Музы, все полно Юпитером*» [4, *1, 17, 14*]. Таким образом, и Вергилию приписывается понимание Юпитера как души мира. Интересно то, что Сервий сравнивает эту строку из «Буколик» со строками «Энеиды», в которых говорится о дыхании, питающем мир, и уме, движущем его [3, *6, 726–727*], из чего заключает, что Юпитер «есть дыхание (spiritus), без которого ничего не движется и не управляется» [11, *3, 60*].

Также и мифологический сюжет о наказании Тития, который использует Вергилий, Макробий относит к такого рода воззрениям — рационально-философским и близким неоплатоникам, согласно которым преисподняя — это наш мир и сами человеческие тела, а поэтому и «описание наказаний взято из самой практики человеческого общежития». Соответственно и цитаты Вергилия он включает в следующий контекст: «Стервятника, *терзающего бессмертную печень* [3, *6, 598*], они предпочитали понимать не иначе, как угрызения совести, которая бередит самое нутро... И если [люди] вдруг попробуют успокоиться, она всегда возбуждает заботы, словно *внедряется в отрастающую заново печень*» [3, *6, 600*; 4, *1, 10, 12*].

Второй путь «прикрепления» Вергилия к философии состоит в том, что Макробий перемещает стихи Вергилия из его сочинений в строй своей философской аргументации, невзирая на то, есть ли какое-либо соответствие между контекстами используемых цитат и его собственного комментария. Разумеется, в этом случае могли иметь место как рационализация мифологических представлений, на что было указано выше, так и придание словам Вергилия чисто философского звучания и даже выражения идей какого-либо философского учения.

В ряде случаев соотношение контекста Макробия с контекстом цитат Вергилия рассмотрено в источниковедческом плане, то есть преимущественно в смысле фиксации их совпадения и расхождения, в указанной выше книге М. С. Петровой [7, *79–93*]. Наша же задача заключается в том, чтобы на этом основании сделать выводы, касающиеся формирования образа Вергилия-философа.

При описании видов сновидений Макробий, чтобы подтвердить существование снов-наваждений, привлекает строчку Вергилия о том, что «души усопших к небу шлют наваждения» [4, *1, 3, 6*]. Эта строчка содержится в завершении описания путешествия Энея по подземному миру [3, *6, 897*], то есть в сюжете чисто мифологическом, но переносится в область психологии, когда наваждения рассматриваются как сопутствующие любовным волнениям [4, *1, 3, 6*; 3, *4, 4; 8*]. Если воспользоваться выражением Сервия, это можно назвать переходом от поэтически (poetice) изображенного вымысла к природоведению (physiologia) [10, *6, 893*]. Такого же рода переносы, но касающиеся уже этики, имеют место в использовании слов Вергилия [3, *6, 664*] о наградах мертвым, оставившим по себе добрую память ([Комм. 1, 8, 6]), и о душах, которые «*боятся и жаждут, печалятся и радуются*» [4, *1, 8, 11*; 3, *6, 733*; 7, *81–82*].

В отыскании у Вергилия «философской истины» Макробий перетолковывает его изображение подземного мира в шестой книге «Энеиды» в связи с посмертными путями людей. Философы пришли к представлению о том, что души славных людей приходят на небо, в то время как мифология и Вергилий помещают умерших героев в подземный мир. И Макробий, привлекая мнение Гесиода о том, что древние герои, *«некогда люди, теперь, вместе с небожителями они охраняют земное»* [4, *1, 9, 7*], стремится обелить Вергилия как философа и говорит: «Это не отрицает и Вергилий, который, хотя и отправил, сообразуясь со своим повествованием, героев в преисподнюю, однако не лишает их неба, но отдает им “высокий эфир” и прямо заявляет, что они [там] *знают свое солнце и свои звезды*, чтобы

изложением двуединого учения (geminae doctrinae) представить и поэтический вымысел (poeticae figmentum), и философскую истину (philosophiae veritatem)» [4, *1, 9, 8*]. Таким образом, преисподняя Вергилия приобретает философский характер, становится неким микрокосмом: «Здесь над полями высок эфир, и светом багряным / Солнце сияет свое, и свои загораются звезды» [3, *6, 640–641*]. Макробий создает у читателя впечатление, что и у Вергилия герои получают блаженное существование как бы на небе. Это «подтягивание» подземного мира Вергилия к небесному философов мы видим и в следующем параграфе [4, *1, 9, 9*], в котором Макробий приводит его слова о том, что души «за гробом (tellure repostos)» занимаются тем же, чем занимались «при жизни (vivis)» [3, *6, 653–654*], и заключает, что тем более это свойственно и «принятым обратно на небо». Отметим еще и то, что Макробий подобно Сервию соотносит поэзию с мифологическим вымыслом, а философию — с истинным, разумеется в его понимании, положением дел.

Для указания на значительность чисел «три» и «четыре», из которых, в частности, рождаются музыкальные созвучия, Макробий цитирует стих «Трижды, четырежды тот блажен...» [Там же, *1, 94*], в котором, по его мнению, Вергилий желал «изобразить во всем счастливых [людей]» [8, *1, 6, 44*]. В таком истолковании строка Вергилия наполняется духом пифагорейского учения. Однако для этого нет достаточных оснований, ибо цитируемые слова взяты из молитвы Энея во время бури, в которой он называет блаженными тех, кто встретился со смертью в бою, а не в кораблекрушении. Натяжка Макробия становится еще более заметной, если обратиться к комментарию Сервия, который чисто грамматически понимает слова Вергилия: «“Трижды, четырежды”, то есть многократно; конечное число вместо бесконечного» [10, *1, 94*].

Очередное «подтягивание» Вергилия к пифагорейско-платоновским воззрениям имеет место тогда, когда Макробий пишет о том, что сочетание души с телом определяется числами; пока они сохраняются, тело одушевлено; конец же телу приносит «иссякновение его чисел» [4, *1, 13, 12–13*]. И для подтверждения, а равно и выражения этого ему очень подошли слова Вергилия «...explebo numerum reddarque tenebris» [3, *6, 545*]. Поэтому нам кажется, что, в согласии со своими рассуждениями, Макробий мог вкладывать в слова «explebo numerum»[1] тот смысл, на который среди прочего указывает Сервий: «”explebo” означает (est) “я уменьшу (minuam)”... пониманием, следовательно, является: я уменьшу ваше число и возвращусь во мрак» [10, *6, 545*]. Но если слово «explebo» в таком понимании еще могло иметь отношение к тому, о чем говорил Макробий, то самое главное для него слово «numerum» совершенно не имело у Вергилия того значения сущности, связывающей душу и тело, которое было ему нужно. Ибо приведенные Макробием слова вложены Вергилием в уста Деифоба, с которым Эней беседует в преисподней и который говорит просто о количестве, «толпе»[2]. Именно для характеристики подобного, чисто внешнего, вовлечения Вергилия в философию

[1] С. А. Ошеров вообще обходится в своем переводе без глагола «expleo»: «...в толпу и во мрак возвращаюсь!» [3, *6, 545*]. М. С. Петрова переводит: «я пополню число и вновь воссоединюсь с тьмою» [4, *1, 13, 12*].

[2] Вопрос о том, кто составляет это количество, толпу, мы оставляем в стороне. Укажем лишь на толкование М. С. Петровой [7, *89*].

подходит мнение М. С. Петровой: «Макробий, как правило, выхватывает у Вергилия то, что кажется ему подходящим для собственного изложения... легко и умело переставляя акценты...» [7, *84*].

Третий момент в изображении Вергилия в качестве философа — это приведение Макробием цитат, которые более-менее близки к научно-философскому контексту его комментария и соответственно показывают поэта знатоком в таких вещах. В немалой степени это цитирование «Георгик», в которых природные явления затрагиваются в связи с их главной темой — земледелием. Так что не случайно именно из «Георгик» Макробий берет слова «*для смерти места нет*» [2, *4, 226*], выражающие натурфилософский принцип вечности бытия и соответствующие, согласно его заявлению, «выводам здравого рассуждения, которые были ведомы и Цицерону, и Вергилию» [4, *2, 12, 13*]. В комментарии на эту строку Сервий справедливо упоминает о Лукреции [12, *4, 226*].

В ходе цитирования «Георгик» по различным астрономическим вопросам Вергилий удостаивается у Макробия определения «поэт, знаток (conscius) самой природы», так как ему многое ведомо. Ему известно, что луна «при затмении испытывает ущерб (laborat), не воспринимая света солнца» [8, *1, 15, 12*], который он описывает как «Муку луны» [2, *2, 478*]. В стихах об Арктах, «которым в волнах океанских страшно намокнуть» [Там же, *1, 246*], Макробий видит указание Вергилия на то, что Большая Медведица и Малая Медведица всегда находятся над нами и всегда видны нам, в то время как в стихах о другой мировой вершине, которую «видит у ног своих Стикс и маны в подземных глубинах» [Там же, *1, 242–243*], — указание на то, что южная вершина неба, напротив, навсегда спрятана от нас [8, *1, 16, 4, 5*]. Вергилий, пишет Макробий, различает «лунный год, который является коротким», и «год, который создается бегом солнца», так как называет «год солнца большим в сравнении с лунным» [Там же, *2, 11, 6*]: «Солнце свой круг пролетело и год большой завершило»[3] [3, *3, 284*].

Есть еще и другие примеры использования стихов, в которых затрагиваются вопросы, обсуждаемые и самим Макробием. Так, для подтверждения положения Порфирия о завесе, мешающей душе «видеть связи затененной природы» [4, *1, 3, 18*], он ссылается на Вергилия: «А что так и есть в природе, показал Вергилий», — и цитирует его: «Я развею ту пелену, что ныне... притупляет твой смертный взор» [Там же, *1, 3, 19*]. Эта цитата [3, *2, 604*] взята из рассказа Анхиза, который хочет раскрыть Энею истинную причину падения Трои — «богов беспощадность». Непонимание этого Энеем он и называет туманом и завесой его очей. Сервий находит для этого тумана соответствие в реальном явлении: «Говорят ведь, что туман, поднявшийся от земли, мешает нашим взорам; откуда орел, потому что он бывает выше тумана, видит больше» [10, *2, 604*].

Далее, основанием для того, чтобы сделать Вергилия сведущим в науке прорицаний, Макробию, в то время как он сам рассуждает о предвидении опасностей, служат слова предсказателя Гелена, к которому обратился Эней. Гелен говорит,

---

[3] Перевод С. А. Ошерова изменен, так как в нем отсутствует слово, ради которого Макробий цитирует Вергилия, — «magnum (annum)».

что не может знать всего о грядущих бедах, ибо этого не позволяют ему Парки и Юнона, дочь Сатурна [3, *3, 379–380*]. Так Макробий подкрепляет свое мнение, что человек отыскивает знаки будущего, «если этому не препятствует божественная сила» [8, *1, 7, 3*]. Далее он отмечает, что Вергилий искусно описывает наставление оракула [Там же, *1, 7, 8*]. Кроме того, в «Сатурналиях» [5, *3, 7, 1–2*] и сам Вергилий наделяется даром пророка, когда пишет, что баран с багряной или золотистой шерстью знаменует удачу и награды [1, *4, 43–44*]. Это вполне оправданно, так как четвертая эклога «Буколик» рассказывает о наступлении золотого века.

Недвусмысленное указание на то, что Вергилию присущи воззрения, роднящие его с неоплатонизмом, Макробий делает после того, как описал неоплатоническую иерархию бытия: «Такой порядок вещей устанавливает и Вергилий» [4, *1, 14, 14*]. Свидетельства этого он находит в рассказе Анхиза о миростроe и круговороте душ. Во-первых, Вергилий «наделил мир душой», ибо его «*питает изнутри дыхание* (spiritus) [3, *6, 726*], то есть душа». Сервий считает это дыхание божественным, а слова «изнутри питают» означают у него, что «оно оживляет и сохраняет в веках (in aeternitatem), потому что оно смешано, и ни одна часть первоэлемента не пребывает без бога» [10, *6, 726*]. Во-вторых, Вергилий «объявил, что она есть Ум: *ум* (mens) *движет громаду* [мира]» [3, *6, 727*] и сочетается с ним, называемым Вергилием «большим телом» [4, *1, 17, 5*]. Хорошо выразил положение о их единстве Сервий: «одно и то же есть, сказал [ли] бы он, или ум (mentem), или дух (animum), или дыхание (spiritum)» [10, *6, 726*]. В-третьих, «дабы показать, что вся совокупность живого движется и одушевляется самой Душой, он добавляет: *род оттуда людей и скотов* и прочие [твари]» [3, *6, 728*].

К этому месту Вергилия Макробий обращается далее в обширном рассуждении о мировом движении, звучании небесных сфер, о музыкальной сущности души с позиций пифагорейско-платоновской философии и говорит, что «душа мира доставляет жизнь всем живущим» [8, *2, 3, 11*]. И затем вновь приводит указанную выше цитату с дополнением: «Род отсюда [идет] и людей, и зверей, и пернатых, / Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью[4]» [3, *6, 728–729*]. Платоновский дух этого высказывания Вергилия хорошо выразил и Сервий: «"Откуда род людей и скотов" — от четырех первоначал (elementis) и бога» [10, *6, 728*].

Наконец, в повествовании Анхиза Макробий находит подтверждение того важного положения неоплатонизма, что душа ослабевает, опускаясь в материальный мир. Он цитирует одну из двух строк [3, *6, 731*], в которых сказано, что жизненная сила присутствует «*в той мере, в какой не препятствуют вредоносные тела*» [4, *1, 14, 14*]. Сервий поясняет эту строчку так: «...настолько, он говорит, полнится жизнью в людях часть божества, насколько позволяет качество тел» [10, *6, 730–731*].

---

[4] Перевод С. А. Ошерова изменен в соответствии с тем, что первая строка начинается со слова «hinc» или «inde».

Макробий связывает и некоторые другие стихи Вергилия с неоплатонической темой пленения души телом. Так, он пишет [4, *1, 9, 4–5*]: «... душа, сроднившаяся с привычками тела... *негодуя, к теням отлетает со стоном* [3, *12, 952*]. И нелегко оставляет она тело после смерти, так как ей *не дано до конца от зла, от скверны телесной освободиться* [3, *6, 736*]».

Намеченные в нашей статье направления, по которым, мы полагаем, Макробий показывает принадлежность Вергилия философии, могут быть в дальнейшем рассмотрены на всем массиве цитируемых стихов.

---

1. *Вергилий*. Буколики / пер. С. В. Шервинского [Электронный ресурс]. URL: http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/ (дата обращения: 10.06.2015).

2. *Вергилий*. Георгики / пер. С. В. Шервинского [Электронный ресурс]. URL: http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/ (дата обращения: 08.07.2015).

3. *Вергилий*. Энеида / пер. С. А. Ошерова [Электронный ресурс]. URL: http://ancientrome.ru/antlit/vergilius/ (дата обращения: 18.07.2015).

4. *Макробий*. Комментарий на «Сон Сципиона» / пер. М. С. Петровой // Петрова М. С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007.

5. *Макробий*. Сатурналии. Екатеринбург, 2009.

6. *Муравьев С. Н.* Каким было начало сочинения Гераклита Эфесского? // Вестн. древней истории. 1970. № 3.

7. *Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности. М., 2007.

8. *Macrobii* Commentarii in Somnium Scipionis // Macrobius. Vol. 2. Leipzig, 1970.

9. *Macrobius*. Commentary on the Dream of Scipio / transl. by W. H. Stahl. N. Y., 1952.

10. *Servii*. Grammatici In Vergilii Aeneidos libros commentarius [Electronic resource]. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text (accessed: 21.09.2015).

11. *Servii*. Grammatici In Vergilii Bucolicorum libros commentarius [Electronic resource]. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text (accessed: 21.09.2015).

12. *Servii*. Grammatici In Vergilii Georgicorum libros commentarius [Electronic resource]. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text (accessed: 21.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 12 января 2016 г.